

18+

Джейн Гук

Ничто — наше имя

сборник рассказов

Джейн Гук

**Ничто – наше имя.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Гук Д.

Ничто – наше имя. Сборник рассказов / Д. Гук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-985208-3

Если перенести образ современного мира на картину с олимпийским трамплином, то человечество, некогда совершившее рывок в эволюции и родившее гениев вроде Гюго или Леонардо да Винчи, сегодня мчится без всяких тормозов в пропасть. На пути в нее мы уже не сопротивляемся, а с победным кличем пытаемся опередить друг друга. В добрый путь...

ISBN 978-5-44-985208-3

© Гук Д.
© Издательские решения

Содержание

Ничто – наше имя	6
Поруганная богиня	6
Парусник	8
Пустынные дары	9
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ничто – наше имя
Сборник рассказов
Джейн Гук

© Джейн Гук, 2020

ISBN 978-5-4498-5208-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ничто – наше имя

Поруганная богиня

– Богиня! – говорили ей в след, но она не принимала это серьезно нас вой счет.

И все же она ею была. Красивая и такая настоящая, как запах пиона на рассвете или капля росы по утру. Эта нимфа смотрела на мир особыми глазами и видела его намного больше, чем он был на самом деле. В нем она любила все творения безупречной созидательной силы вселенной и творила сама, посылая в мир прекрасные флюиды счастья и любви.

Он появился неожиданно и сразу же завладел ее вниманием. Он не принадлежал ее миру, но пробивался к ней настойчиво, воспевая ее красоту и живой нрав, безупречность линий и грацию фигуры, глубину ее невероятно животворящей природы, в которой он черпал наслаждение. Человек возжелал эту нимфу, умоляя удостоить его хотя бы одного своего взгляда или слова, чтобы ощутить источающуюся из нее благодать, словно животворящий свет небесной Божией матери. И, водрузив ее высоко на Олимп, он вожаделенно, но терпеливо ждал, когда она к нему спустится.

Поначалу, она не решалась и медлила, но каждый день его зов становился все громче и настойчивей и ей все труднее было бороться с собой. Его струны души играли для нее необыкновенную песнь о сладких ночах и волнующем шепоте сочных губ над ее прелестными очами, о горячих объятиях, трепетных и страстных поцелуях. Наконец, она откликнулась на призыв, обнадежив его сладкой минутой блаженства и яростной страстью.

– Осторожно! – предупреждали две ее сестры. – Что может знать о любви человек! Что может знать он о красоте! Он не способен любоваться красотой, ибо хочет ею владеть, а завладев, уничтожит ее.

Пребывая под стойкими лестными речами томящегося в ожидании ее почитателя, нимфа, отмахнувшись от предостережений, решила принять зов и раствориться в любви сердечного друга. Она сошла к нему в нежном свете догорающего заката, чтобы позволить ему прикоснуться к своей красоте под покровом ночи и ощутить всю человеческую нежность и желание, обещанных ей возлюбленным. Человек был несказанно рад и, унося красавицу прочь от сестер, пел ей гимн великой и вечной любви.

Укрывшись в ночной тьме и задыхаясь от счастья, он беспощадно обрушил свою страсть на ее хрупкие плечи. Невежда сломал ее хрусталь и опозорил ее неумелыми и грубыми ласками. Ее божественная чистая красота в миг исчезла, а ее место заменили стыд и боль. Ощущение оскверненности и поруганности ударили по ней свистящим хлыстом с невероятной мощью. Ее мир в миг раскололся на мельчайшие осколки, в каждом из которых она увидела свое уродство, облезлую «позолоту» и омерзительную ей наивность. Они множились в тысячекратном размере... От отчаяния ей хотелось вопить диким зверем, отдаться на растерзание хищникам, или того хуже голыми руками разорвать пышущую огненной болью грудь, и извлечь душу, чтобы она растворилась с первыми лучами восхода, лишь бы больше никогда не видеть свое мерзкое тело, эту безобразную плоть.

Рассвет смело озарил небосвод, и некогда прекрасная нимфа поспешила стыдливо прикрыть свою наготу лопухами. Вести о ее тайном сожжении в человеческий мир разошлись немедленно и наказание должно было свершиться для обоих. Но даже поруганная, она не желала зла возлюбленному. В ней еще теплилась вера в то, что человек не был лишен сострадания и взмолилась к любящим сестрам, чтобы те помиловали его, а ей позволили самой решить свою судьбу. Сестры согласились исполнить последнюю просьбу младшей сестры, а после покинули ее.

Опустошенная и отверженная обоими мирами, она уныло брела по мирским тропкам в попытках найти в сердцах людей хотя бы крупинцы светлого и прекрасного, но с каждым ее шагом все меньше в ней оставалось надежды. Оживляя в своей памяти горестные минуты встречи с возлюбленным, в ней ничто не будило прекрасные порывы души и от того становилось еще горче.

Прежде нимфа и Богиня в его глазах, а отныне земная странница в отчаянии упала на траву и разразилась горькими слезами, заливая влагой лужайку вокруг.

Прошло время и на месте слез прекрасной нимфы выросли чудесные незабудки, которыми дивились и любовались все жители окрестностей, а некоторые считали это местной достопримечательностью. Но вскоре, как и бывает в человеческом мире, цветочную полянку распахал трактор и на ее месте построили детскую площадку, асфальтом утрамбовав землю с некогда волшебными цветами.

– Ничто не вечно под Луной, – произнес старик себе под нос, оживляя в памяти красивую поляну с незабудками цвета небес, и поплелся дальше по своим делам.

Парусник

– Отец, разреши я отправлю свой прекрасный парусник по мирской реке, – обратился маленький карапуз с золотыми кудрями к Богу отцу. – Пусть он рассекает бушующие воды и борется с ветрами и шквалами, покоряет морские стихии в поисках земных сокровищ и прекрасных дев.

– А кого ты поставишь у штурвала, сын? – поинтересовался Бог отец.

– За штурвал встанет Любовь, отец, – отвечал божественный сын. – Парусами станет Вера, а Надежда будет лоцманом ему.

– Тогда тебе придется попрощаться с ними, ибо они не вернуться более, – ответил Бог отец.

– Но почему, папа? – удивился сын.

– Любовь погибнет первой в мире людей, за ней канет Вера, ибо в человеческом сердце она слаба, а потом уйдет и Надежда. Если парусник дорог тебе, сын, – объяснял отец Бог, – то побереги его для более важных свершений, чем простые поиски приключений. Он не обрасстет морской тиной, его днище не обтесают ракушки, его паруса не истрепят свирепые ветра и безразличное время, но зато он сохранит свою красоту, силу и смысл, и будет непрестанно радовать своей новизной твой взор, сын.

– Но, если я поберегу его для чего-то более важного, а он окажется не опытен для этого, что тогда? – вопрошал сын.

– В великих свершениях для Любви, Веры и Надежды не нужны ни опыт, ни закалка. Их не нужно подвергать бурям, ибо они не выдержат разрушения и разобщения, их нужно только беречь и укреплять. Они едины и не мыслят существование друг без друга, – толковал сыну Бог. – Этот союз я тысячи раз отправлял в человеческий мир, и они никогда не возвращались обратно, сын. В мои руки всегда возвращался пустой парусник без парусины, со сломанной мачтой и прохудившимся днищем.

– Но почему их мир так жесток и за тысячи лет не изменился?! Что мешает человеку укреплять, а не разрушать твой парусник? – негодовал сын.

– Надежда, что они сделают парусник лучше меня, – ответил Бог отец.

Пустынные дары

Словно золотой порошок рассыпала песчаную пыль безбрежная пустыня, вздымая ее на полтора километра ввысь. Царица бархатных дюн и пугающих своей бескрайностью далей, опаленных солнцем, несущих смерть любому, кто отважится ее покорить, распростерлась на самой центральной равнине североафриканского континента.

Она прельщает беспечных туристов изящными изгибами своих высочайших в мире барханов и привыкших к ее сухому дыханию погонщиков верблюжьих караванов. В ее раскаленных песках сгинуло немало несчастных любителей приключений и самоуверенных торговцев соли, случайных путников и отважных летчиков, взбороздивших своими самолетами нетронутую песчаную рябь и навсегда застывших в песках Сахары.

Марево, поднимающееся на самом рассвете, чтобы одурачить гостей своих удушливых просторов и отобрать у них последние крупницы рассудка и воды, как и прежде заколыхалось в пространстве синего горизонта, размывая его четкую линию вдаль. Группа туристов и кочевников, брошенные страшной волей судьбы или даже злым безжалостным роком в эти смертельные дали, вооружившихся продовольствием и восседая на верблюдах, с глубоким волнением и тревогой пересекла точку невозврата Сахары, когда еще можно было повернуть назад прежде, чем бездушная земля не расправится с ними. Все они были неуклонно преисполнены безысходного оптимизма и отчаянной надежды на успешное предприятие, которое они затеяли накануне. Чтобы задуманное увенчалось успехом, а команда смельчаков подняла за победу над страшными силами, неукротимо и непомерно терзавших их души, хрустальные бокалы с игристым вином, они должны были преодолеть сотни километров опаснейшего безжизненного океана песка и уцелеть в сильнейших песчаных бурях, неистовый ветер в которых любит разгоняться до безбашенных скоростей, подчас подхватывая на пути и весело унося с собой тяжелые камни.

Тягчайшая и титаническая ответственность лежала на плечах решившихся на столь трудный путь ходоков, ведь в случае их гибели или постигшей неудачи отыскать требуемое в пустыне, неотвратимая кара будет невообразимо чудовищней смерти в Сахаре. И отважным путешественникам не оставалось ничего иного, как бросить этой злотворной богине смерти вызов самоубийственный и самый дерзкий в их жизни.

15 дней предстояло путникам брести по маршруту туарегов «синих призраков» – древних кочевников пустыни и еще древнее их – прежних обитателей Аира, ибо нацелились они, по безмерной глупости своей или же слишком переоценив свои возможности, на самый опасный ее район. Их путь лежал в Тенере – пустыню в пустыне, как прозвали это злополучное место местные кочевники, безжизненное каменистое плато, продуваемое насквозь пустынным ветром сирокко, сжигающим без огня.

Сизая дымка, разлившаяся над песчаными просторами и выползшая на скаты великих дюн, нависала над головами путников и не давала четкой видимости. Злой сирокко, перемешиваясь с пылью и песком досаждал туристам, попадая в глаза и нещадно царапал слизистую.

Верблюды неспешно плыли по песку, как ни в чем не бывало, словно степенная морская каравелла, ибо сегодняшней сирокко для них был слабой угрозой. Меж тем огненный шар дикого солнца, еще не войдя в зенит, принялся угрожающе раскалять свои пески, словно яичницу на гигантской сковороде, поджаривая дюны.

Жажда снедала, беспрестанно изнуряя организм и, наполняя богатыми запасами бесценной влаги свои иссохшие от засухи рот и горло, изможденные путники стойчески старались переносить все перипетии, злорадно преподносимые Сахарой. И все же, грезя об окончании тягостного маршрута, усталым путникам жаждались благословенный отдых от палящих лучей африканского светила и заветная речная прохлада, в которую им мечталось с умиротворе-

нием погрузить свои раскаленные от солнцепека тела. Но дьявольское проклятие, витавшее над ними, хуже сирокко не позволяло долго предаваться радужным мечтам. Мертвящее зловоние и тлен, неотвязно протянувшиеся за ними даже в эти гиблые пески, они, пораженные жутчайшим несчастьем, ощущали каждую минуту своего бытия.

Эта группа товарищей, объединённая общим невыносимо страшным горем, спешно прибыла из далекой страны и, впервые в своей жизни, едва завидя белое солнце Африки, сразу же вознамерилась отправиться в самые удушливые края африканского континента. Обзаведясь грамотными проводниками и надёжным транспортом, товарищи двинулись в путь без оглядки, словно нечто зловещее несло за ними вдогонку. Страх неудачи рискованного предприятия волновал, затуманивая рассудок, и сковывал волю, но вместе с тем и придавал немало сил продолжать опасную экспедицию. В смертельных песках трем товарищам необходимо было отыскать нечто, что должно было спасти жизни людей в их краях, которые покинула надежда и в которых истончилась жизнь, словно пересохший ручей в некогда полноводной бурлящей реке.

В их родных местах местной ведунье, в бессилии смирившейся перед грозным наказанием, будь оно божьим или демонским, во сне привиделся способ остановить жуткое проклятие, ниспосланное на их земли, и затворить распахнувшиеся врата смерти, за которыми исчезала вся молодая часть жителей окрестного селения. Прорицание прозвучало и трое смельчаков отправились в дорогу на поиски. Самое одинокое на свете дерево, но самое сильное, раскинувшееся в центре Африки под палящими лучами солнца в самых убийственных краях для всего живого, и то, что расцвело на Рождество Христово, погибло в день его Распятия и вновь возродилось к жизни на Пасху – вот, что искали путешественники из далекой страны здесь в величественном храме песка и солнца по завету колдуньи.

Одинокое росшее дерево в самом смертельном месте пустыни Сахары оказалось самой обычной акацией. Но здесь среди пустыни, опаляемое солнцем и пребывая в полнейшем одиночестве, это растение заслуженно пользовалось уважением среди бывалых, ведь акация играла важную роль. Просматриваясь за многие километры в дали, великое дерево ориентировало путников в нужном направлении и давало благословенную тень, чтобы передохнуть. Ровно семь семян от могучего растения, несущих в себе невероятной силы заряд к жизни, требовалось собрать товарищам и погрузить во влагу, чтобы сохранить его живородящую энергию и передать в руки колдунье для исполнения дальнейшего ритуала. Следующим в списке спасительных даров, указанных ведьмой, был самовоскрешающийся цветок иерихонской розы, произраставший в пустынных степях Африки и хранивший в себе бессмертие и влагу жизни.

Волшебные свойства этих даров природы были призваны остановить злейшую беду, постигшую молодых в далекой западной деревне, которая молниеносно превращала их в стариков и старух, обкрадывая их прекрасную молодость и воруя бесценную юность у красных девиц и сильных юношей. Горе и отчаяние не знали границ среди безутешных матерей и отцов селения. Готовые сами ринуться в самые страшные и кипучие бездны ада, они желали одного – продлить молодость своим детям и сохранить их жизни, укрыв их от лютого лика всепожирающей Смерти. Так, трое селян, оставив на свой страх и риск любимых чад, с горечью в сердцах пустились в самое опасное приключение в своей жизни.

Палящее солнце острыми клинками пронизывало толстые одежды, впиваясь своим жаром в плоть путников и опаляя их светлые чаяния добраться живыми. Но путь продолжался, куда были живы люди, их надежды и верблюды.

На своих черных крыльях ночь приносила ходакам настоящий холод, а днем безудержная буря клочкотала и носилась над пустыней, клубясь и заволакивая небо своими устрашающими причудливыми формами из песка и пыли, что пугало и дезориентировало любого, доводя его до полного исступления, при котором он уже не понимал, где небо, а где земля. Теряясь в водовороте желтого, оранжевого и охристо-красного песков, сознание путников под-

давалось напору иллюзии, созданной пустынным Дьяволом, и страх от того, что их занесло в недра неведомых темных фантазмагорических миров, поглощало все существо.

Свирепо накрывая колким песком несчастных туристов, терзая мирно спящие дюны, которые принимались издавать заунывные звуки, напоминавших призывный клич злых духов, манящих и зазывающих в свою мрачную преисподнюю, пустынный демон ветра заставлял содрогаться каждого от ужаса. словно острыми иголками сирокко жалил и обдирает кожу на лице и руках, а ночной морозный воздух ознобом не давал расслабиться и полноценно передохнуть. И только звезды, скрывающиеся жуткой мглой от путешественников, равнодушно наблюдали за ними и в похоронном молчании блистали на мрачном небосклоне.

Едва усмирялась, кажущаяся поначалу, неумемная песчаная буря, небо озарилось нежно белым светом обманчивого солнца, которое снова и снова принималось терзать своим жаром все и вся, подчиняя своей безграничной власти любой живой организм, склоняя его перед собой в почтении.

Одержимые важностью своей миссии, странники продолжали нелегкий путь. На затылок давило адское пекло, в горле саднило после жесточайшей бури, от которой они заходились кашлем. Вдобавок ко всему запасы воды резко пошли на убыль и появилась необходимость крайней экономии живительной влаги. Силы товарищей заметно ослабевали, а верблюды равнодушно все шли к горизонту, плавно скользя вдоль персиковых барханов.

Наконец, издали показалась одинокая акация. Долгожданный вид дерева обрадовал караван, а радость придала странникам силы. В ее благодатной тени они отдохнули и наполнили в колодце свои фляги. Жизнь продолжалась. Собрав спасительные семена растения и бережно завернув их во влажные тряпицы, товарищи уложили сокровище юдоли в берестяной коробочек и отправились дальше. Оставалось пересечь 560 километров, и они окажутся в Агадесе африканском городе неведомой и далекой страны Нигер.

По дороге они уже нашли требуемый цветок иерихонской розы, а потому миссия подходила к концу, и все друзья безмерно торопились домой, где их ждали, как прославленных спасителей.

Еще одна ночь на их пути, которую они проведут уже не в открытой пустыне, а в Каваре – оазисе Нигера, после чего, достигнув городской черты Агадеса, товарищи сядут в самолет, поднимутся над властительной и надменной Сахарой и с облегчением помашут ей рукой на прощание. До сих пор трудности, хотя и встречались им в пустыне, все же были преодолимы и теперь странники почти расслабились, до того цель была им близка.

Об одном жалели они, что пройденный путь был лишь его половиной, ведь леденящий душу ужас, ожидающий товарищей за пределами Африки, был гораздо мощнее и страшнее устрашающей пустыни. Мыслью о последней ночи, что означало для них всего 6 часов, проведенных до рассвета, тешились путники, минуя песчаные складки вельветовых дюн и плавно ступая на каменисто-песчаную землю Агадеса. Смутно из-за стоящего в атмосфере раскаленного воздуха вдалеке проглядывались очертания долгожданного оазиса, и каждый боялся, что это могло оказаться лишь одним из призрачных видений пустыни, ее знаменитым миражем.

Живы были ли еще их дети, отцы которых вели смертельный бой со стихией в такой дали от родного дома, они не знали, но всей душой верили, что так оно и было и какими замыслами бы себя не тешила лихая Сахара, она услышит их горькие мольбы, смилостивится над отважными странниками и отпустит их из своего жуткого плена невредимыми.

Жара испепеляла, ноги заплетались и каждый шаг уже давался с трудом, но морально бороться с тяготами песчаного океана было уже легче, ведь заветный оазис должен был вот-вот принять их с распростертыми объятиями в свои благолепные ландшафты.

Неожиданно все вокруг стихло и примолкли даже верблюды с их тяжелым дыханием. Невесомая жуткая тишь надвинулась на караван, словно полумрачная тень под лунным сиянием, звучный и пугающий вой ветров стих и замолкло все вокруг, словно кто-то заткнул

пасть ненасытной песчаной стерве. И лучше бы для путников завывали ветра, и буря ярилась и негодовала, срывая чалму с головы, и дико хлестала каждого живого колкой россыпью песков, чем эта стоящая в воздухе звонкая студящая жилы тишина. Туареги знали, что стояло за этой почти космической и завораживающей своей зловещей тайной тишью – Сахара выжидала, как выжидал саблезубый хищник перед атакой на беззащитного дитя природы. И лишь бубенцы на разноцветных сбруях горбатых животных возвращали людей из космических грез обратно в жадные тиски песков. Но вдруг загадочную тишину, которую путники слышали впервые за все время своего пребывания в этой сухой адской земле, нарушили необыкновенно чарующие звуки, лившиеся отовсюду. По настороженным и обезумевшим взглядам матерых проводников, троем туристам стало ясно, что подобные жуткие песни песков несли с собой настоящую погибель. Злые духи, раздосадованные вторжением незваных гостей, кликали беду, призывая смерть обрушиться страшной войной на чужаков. Верблюды, чувствуя, как надвигалось страшное, легли на песок и как можно плотнее прижались к земле, смиренно ожидая беду.

Скоро, захваченных врасплох совсем неподалеку от оазиса, измученных и обессиленных путников, заволокло беспросветной густой завесой черного песка урагана, разверзшегося своими стремнинами – явления особенно страшного в пустыне, сравнимого с морским девятибалльным штормом. Хладнокровная Сахара не пощадила усталых путешественников и напоследок рухнула со всей яростной мощью на беззащитных, раздувая бушующие клубы песчаной пыли.

Дюны ревели от гневного напора, грянувшего оркана, люди в ужасе хватались за верблюдов – единственное спасение в этом песчаном безумии и черном мракобесии. Так же стремительно, как пустынный дьявол налетел с терзаниями на пустыню, так же быстро он, взьерошив пески, умчался из этих мест, оставив после себя засыпанные песком кучи людей и животных.

Поднявшись из завалов и раскопав себя, едва найдя силы для продолжения пути, караван обессиленно двинулся дальше. Хвала небесам! Оазис им не померещился, и путники нашли в нем благословенный отдых в тени деревьев с пышными кронами и густой травой.

Самый старший из друзей этой ночью не мог уснуть, несмотря на всю свою вымотанность. Его душу терзали боль и ужас за родных. В своем краю он оставил молодую прекрасную дочь. Когда наступит ее черед отправиться в адскую обитель смерти, никто не мог сказать, но колдунья обещала и божилась укрыть ее на время его отсутствия от беспрестанно рыскающего ока смерти и смердящего дыхания могилы. Он еще раз полез за пазуху, чтобы успокоить себя в сохранности бесценных даров пустыни, такой тяжелой ценой добытых ими. Все было на месте, и путник облегченно выдохнул. Только после этого, он смог сомкнуть ненадолго усталые веки.

На горизонте, изогнутом барханами, забрезжил рассвет и солнце благосклонно обелило небосклон. К закату, едва догорят последние дневные лучи, они уже поднимутся над африканскими землями. Пейзаж сменялся причудливо. Барханный путь то исчезал, вращаясь в каменистый, гористый и глиняный, то снова появлялся. Фантастическая картина ландшафта производила впечатление пребывания совсем на иной планете, будто под ногами путников простирался Марс или Луна. Фантазмагорические формы окаменелостей пустыни, песчаные глыбы невообразимо причудливых форм терзали воображение мимо проходящих путешественников. Кто мог бы подумать, что на Земле существовал кусочек другой планеты, завораживающей своими образами.

Агадес радушно встретил караван, но друзья не стали предаваться блаженному отдыху, а спешно направились к самолету. Поднявшись на биплане ввысь и озирая суровые песчаные просторы в иллюминатор с благодарным судьбе взглядом, что она сохранила им жизнь для спасения детей, они обменялись радостными улыбками.

В деревушке все еще свирепствовала смерть. Хуже чумы она нападала из-за засады на мирных жителей села и уносила в неведомые страшные глубины самых прекрасных из них.

Мужчины, прибывшие из далекого путешествия, быстрее арабского скакуна неслись навстречу парадной арки маленького городишки. Колдунья приняла иссушенные зноем дары пустыни и со зловещим видом удалилась прочь, оставив в недоумении трех мужчин стоять на пороге. В своей ветхой от старости лачуге она сразу же принялась за подготовку необходимых заклинаний для неведомых ингредиентов из далекой Сахары, отвар из которых должна была выпить самая красивая девушка деревни и отправиться на погибель в зияющую бездонную пасть проклятой смерти. Девушка должна была стать последней жертвой этой адской машины и закрыть за собой демонические врата. Но кто осмелится принести себя в жертву в столь юном возрасте! Какие родители собственноручно принесут в жертву своего дитя и допустят его погребение?!

Наконец, когда все было готово для совершения жуткого ритуала, старшего из путешественников колдунья впустила, чтобы тот повидался со своей дочерью, которую прорицательница бережно укрывала и прятала от проказ ужаса и хаоса, налетевших на несчастную деревню и до одури терзавших души всех, кто им попадался на пути.

Отец горячо обнял свою единственное дитя и покрыв поцелуями все ее лицо. Радость от того, что ей была сохранена жизнь, преисполняла его и дурманила. Колдунья, недовольно бросившая на это действие взгляды, прервала их радостную встречу. Далекое путешествие за волшебными семенами и цветком были лишь частью предсказания, как поведала она. Завершить ритуал должна была его дочь, самая красивая на селе, которая, выпив ведьмовской отвара, отправится по своей воле в бездну и сгинет в пучине ядовитой смерти и враждующего хаоса, положив всему конец.

Отец, едва заслышав подобные речи, разразился тирадой ругани на колдунью и обрушился запретами подходить даже близко к его прекрасной дочери. О если бы знал он в начале своего пути в далекую Сахару, что ее дары окажутся пустыми и его чадо все равно должно было сгинуть в геенне огненной, не стал бы он ни минуты так рисковать за зря и терять драгоценное время, а кинулся бы на поиски другого средства избавления от постигшего деревню горя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.